

Ночь давно вступила в свои права, но в игорном доме «Серебряный крючок» было светло как днем.

В главном зале толпились игроки. Большинство из них — с побагровевшими лицами и выкаченными глазами — мертвой хваткой вцепились взглядами в столы, на которые сделали ставки, и иступленно орали.

Дикие крики и рев сливались в один оглушительный гул.

Люди стояли плечом к плечу, грудь в грудь; пот градом катился с разгоряченных тел прямо на сукно игровых столов. Ткань жадно впитывала влагу, источая удушливый, зловонный запах кислятины.

В глубине игорного дома, в уединенном отдельном кабинете, Линь Сяньэр сидела, брезгливо прикрыв рот рукой. Ей казалось, что зловоние главного зала ухитрилось просочиться и сюда.

Смерив сидящего напротив мужчину ледяным взглядом, она недовольно бросила:

— Зачем ты притащил меня в этот притон?

Напротив нее ерзал молодой человек. Его била заметная дрожь.

Несмотря на довольно привлекательные черты лица, его мертвенно-бледная, почти прозрачная кожа и сутулая спина производили болезненное впечатление. Из-за бегающего, трусливого взгляда он казался жалким и до крайности подлым.

Очевидное пренебрежение и холодность Линь Сяньэр ничуть его не рассердили. Напротив, он заискивающе улыбнулся и поспешил оправдаться:

— Прошу простить, дева Сяньэр. Пришлось вам потерпеть неудобства. В «Серебряном крючке» шумновато, зато здесь абсолютно безопасно. У меня есть кое-какие дела с хозяйкой этого заведения, потому я и осмелился пригласить вас сюда. Надеюсь, вы передадите молодому господину Оуян Ле вести о Банде Денежного Листа.

Линь Сяньэр мрачно процедила:

— Разве такая собака, как ты, смеет называть молодого господина Оуян Ле по имени?

Мужчина закивал еще усерднее, продолжая кланяться и бормотать извинения.

Линь Сяньэр снисходительно выждала, пока он не опустился перед ней на колени, и лишь

тогда лениво повела кистью:

— Выкладывай, что у тебя.

— Сегодня всех стражников Управы Кайфэна, дежуривших в тот памятный день, спешно вызвали во дворец, — заговорил тот, не смея поднять глаз. — После полудня большинство из них отпустили по домам. Я отправил людей разузнать, что к чему, и выяснилось: те, кого оставили во дворце — сплошь наши люди из Банды Денежного Листа, замешанные в том деле. Похоже, тот господин из Западного Ся, который связывался с молодым господином Оуян Ле, тоже среди них.

Высокомерная маска, не сходившая с лица Линь Сяньэр, наконец треснула. Она подалась вперед и взволнованно спросила:

— Когда это случилось?!

— Примерно в час Дракона, — ответил мужчина.

Эту новость Линь Сяньэр выслушала в полном смятении. Мысли ее спутались. Глядя на коленопреклоненного труса, она почувствовала прилив бешеной ярости и наотмашь влепила ему звонкую пощечину.

— Ничтожество! Почему не доложил раньше?!

Мужчина схватился за пылающую щеку, его лицо сделалось совсем серым.

— Ничтожный не сразу сообразил... Лишь ближе к вечеру поползли слухи, будто сегодня во время свадебной процессии младшего призера Ли какая-то женщина в траурных одеждах бросилась наперерез его коню. Я почуял неладное и послал людей разузнать, кто она. Личность женщины выяснить не удалось, но сразу после этого пришла весть, что всех дежуривших в Управе стражников угнали во дворец. Я дождался, пока вернутся первые из них, и попытался расспросить, но те лишь мычали и отводили глаза. И только час назад мне донесли: та безумная у коня — жена Цуй Мина.

Линь Сяньэр вскочила с места.

— У Цуй Мина остались живые родственники?! Как вы выполняли приказ?!

— Это моя оплошность... — пролепетал он.

— Ты не просто оплошал! Ты заслуживаешь смерти!

Страх ледяной змеей сковал внутренности Линь Сяньэр. Дело было не только в возможных последствиях. Больше всего ее пугало то, что она сама упустила нити из рук и не узнала обо всем первой.

«Разве могла я забыть, что сегодня день свадьбы Ли Сюньхуаня?»

Конечно нет. Но то, что она отказалась от него, вовсе не означало, что рана затянулась. Для нее этот день изначально был невыносим. Всю последнюю неделю стоило служанкам хоть словом обмолвиться о грядущем торжестве, как она впадала в ярость и приказывала бить несчастных по губам.

В итоге в ее присутствии все ходили на цыпочках и боялись даже дышать, лишь бы не навлечь на себя гнев хозяйки.

Но кто мог подумать, что эта паршивая баба выскочит именно перед свадебной процессией Ли Сюньхуаня?! А она, Линь Сяньэр, узнала об этом только к ночи!

Линь Сяньэр сделала глубокий вдох, силой подавляя панику.

— Ты сказал, что тот человек из Западного Ся, связанный с молодым господином Оуян Ле, тоже во дворце? Он до сих пор не покинул город? За каким дьяволом он туда поперся?!

— Ничтожный не знает, — покаянно склонил голову мужчина. — Я уже подкупил людей из Управления водного транспорта и все устроил, этот господин мог уйти из Восточной столицы в любой момент. Но позавчера он зачем-то отправился к руинам в восточной части города, а вернувшись, внезапно передумал. Заявил, что уйдет только через три дня. То есть завтра.

«Восточная часть города...»

Линь Сяньэр за годы жизни в Кайфэне успела обрасти связями и умела выуживать тайны, сокрытые от простых смертных. Она краем уха слышала, что те развалины когда-то принадлежали поместью князя Тайпина.

«Великий полководец, держащий под началом бесчисленное войско, тайно знается с соглядатаем Западного Ся, осевшим в столице много лет назад? Или это сам князь Тайпин ведет двойную игру?»

Линь Сяньэр зашагала по комнате из угла в угол, шурша шелковыми юбками.

Впрочем, сейчас ей было не до чужих тайн. Ситуация обернулась катастрофой, она оказалась загнана в угол. Какое ей дело до жизни или смерти какого-то заезжего шпиона?

С того дня, как она присягнула на верность горе Белого Верблюда и выбрала сторону молодого господина Оуян Ле, пути назад не было. Чтобы занять достойное место в клане, она должна была доказать свою полезность, иначе ее сотрут в порошок. Пока жива супруга молодого господина Юань Ниньэр, смазливое личико на горе Белого Верблюда не стоит и ломаного гроша. Там выживают только те женщины, которые умеют приносить пользу.

Линь Сяньэр резко остановилась и спросила:

— Те, кого схватили... Им можно доверять? Язык за зубами держать умеют?

Мужчина скривился, как от зубной боли:

— У каждого дома жены да дети. Никто не станет рисковать головой ради Банды Денежного Листа, если прижмут как следует.

В глазах Линь Сяньэр на миг вспыхнул ледяной блеск. В душе она уже приговорила собеседника к смерти, но голос ее прозвучал на удивление мягко:

— Раз так, передай всем уцелевшим из Банды Денежного Листа, чтобы немедленно залегли на дно. А сам беги. Уходи сегодня же ночью по реке, прочь из Кайфэна.

Мужчине до боли не хотелось бросать то, что он строил годами. Власть, золото, влияние, которые давал ему пост главы банды, опьяняли.

— Неужели мне и вправду нужно бежать? — с надеждой спросил он. — Я мог бы затаиться здесь, переждать бурю...

Линь Сяньэр стремительным движением выхватила меч у стоявшего позади телохранителя и прижала холодную сталь к шее мужчины.

— Выбирай: умереть на этом самом месте или убраться из столицы.

Смерть свидетеля решила бы множество проблем — искушение прикончить его прямо сейчас было огромно. Но они находились в игорном доме «Серебряный крючок». Раз этот трус в ладах с хозяйкой заведения, его труп быстро найдут, и тогда поднимется ненужный шум. К тому же, хоть Линь Сяньэр и прикрыла лицо вуалью, она не могла гарантировать, что никто не узнал ее по дороге сюда.

Избавиться от него нужно, но позже и в другом месте.

В глубине души она понимала, насколько шатко ее положение. Если император всерьез возьмется за расследование дела Цуй Мина, ниточка неминуемо приведет к ней, а следом — и

к горе Белого Верблюда. Молодой господин Оуян Ле и пальцем не пошевелит, чтобы спасти ее. К тому же она успела нажать врага в лице второго молодого господина Оуян Фэна. На кону стояла ее собственная жизнь.

Единственный выход — немедленно оборвать все связи с Бандой Денежного Листа и этим человеком.

Стоит избавиться от исполнителей, и дело закроют. Даже если в цзянху поползут слухи о покровителях банды, императорский двор слишком высокомерен, чтобы копаться в делах бродяг. Скорее всего, гнев государя падет лишь на головы разбойников, и на этом все закончится.

Колени мужчины задрожали. Он опустил голову, пряча бешеную, черную злобу. Ему хотелось вцепиться в горло этой девке и разорвать ее на части, но стоило ему лишь помыслить об убийстве, как затаившийся в теле ядовитый гу-червь принимался терзать его плоть. От невыносимой боли он согнулся еще ниже и забормотал заискивающим тоном:

— Пощадите, дева Сяньэр! Ухожу, ничтожный немедленно убирается отсюда!

Он поспешно поднялся на ноги и буквально вылетел из кабинета.

Линь Сяньэр дождалась, пока шаги за дверью стихнут, и повернулась к молчаливому охраннику, который все это время стоял неподвижно, точно изваяние:

— Следуй за ним. Убей его.

Телохранитель едва заметно кивнул и бесшумно растворился в полумраке.

Линь Сяньэр облегченно выдохнула. Ее доверенный убийца не знал промахов — глупый вожак банды обречен. Тяжелый камень скатился с ее души.

Почувствовав, как пересохло в горле, она опустила взгляд на чашку чая на столе. Но тут же вспомнила зловоние главного зала, брезгливо поморщилась и отвернулась.

Поправив широкие рукава шелкового халата, она закрепила на лице тонкую вуаль и неторопливой, исполненной грации походкой покинула «Серебряный крючок».

Вскоре после ее ухода из соседней комнаты выскользнул слуга в серых одеждах. Миновав запутанные коридоры игорного дома, он остановился перед неприметной дверью в самом глухом углу и осторожно постучал.

Войдя, он опустился на одно колено и доложил:

— Они ушли.

— Свободен, — кивнул настоящий хозяин «Серебряного крючка», носивший прозвище Синяя Борода.

Когда дверь за слугой закрылась, Синяя Борода повернулся к своему гостю:

— И откуда в тебе вдруг взялось столько терпения? Эта вертихвостка Линь Сяньэр увела у тебя из-под носа половину столичных связей и преподнесла их твоему старшему брату на блюде.

Собеседником хозяина притона был молодой человек лет двадцати на вид. Он являл собой полную противоположность только что сбежавшему вожаку банды. Лицо его нельзя было назвать красивым, однако каждое движение было преисполнено благородства и сдержанной грации. Спокойная, уверенная аура окутывала его, заставляя любого с первого взгляда проникнуться к нему уважением и напроочь позабыть о простоте его облика.

Даже выслушав колкость Синей Бороды, юноша не изменился в лице. Он умел скрывать мысли, пряча истинные намерения за маской равнодушия.

Он неторопливо произнес:

— Гора Белого Верблюда по праву принадлежит моему старшему брату. Он лишь временно передоверил мне дела цзянху, чтобы полностью посвятить себя совершенствованию в боевых искусствах. Если брату Оуян Ле понадобятся мои люди и золото, я, Оуян Фэн, без колебаний отдам все до последнего медного гроша.

Синяя Борода раскатисто расхохотался:

— Будь оно так на самом деле, стал бы ты тайно спасать вдову покойного Цуй Мина и надоумливать ее броситься под копыта коня Ли Сюньхуаня?

Оуян Фэн взял со стола чашку, сделал крошечный глоток и аккуратно поставил ее обратно.

— Я поступил так вовсе не из желания досадить брату. Просто мне очень не хочется, чтобы из-за чужой глупости гора Белого Верблюда навлекла на себя гнев сунского двора.

Договорив, он небрежно повел пальцем, подзывая стоявших позади подчиненных:

— Раз уж мы начали делать добрые дела, доведем это до конца. Помогите бедному вожаку Банды Денежного Листа... Хм, спасите его от убийцы Линь Сяньэр и препроводите прямиком в Управу Кайфэна. Пусть все закончится там же, где и началось.

Человек вроде Синей Бороды при обычных обстоятельствах никогда бы не удостоился чести вести дела с кем-то уровня Оуян Фэна. Но судьба распорядилась иначе: столичная сеть второго молодого господина была практически уничтожена, и ему пришлось искать сотрудничества. Так Синяя Борода оказался посвящен в детали этой тонкой игры.

Выслушав приказ, хозяин притона мгновенно разгадал замысел гостя. Оуян Фэн собирался расправиться с врагами руками императорских судей. Прокручивая в голове цепочку событий, Синяя Борода в очередной раз поразился тому, насколько умен и опасен этот двадцатилетний юноша.

В цзянху каждый знал, что на горе Белого Верблюда наследование идет строго по одной линии. Это правило касалось всего: и тайных техник, и власти над кланом — все принадлежало исключительно Оуян Ле. Однако старший брат слишком глубоко ушел в боевые искусства, что дало Оуян Фэну, рожденному от наложницы, призрачный шанс прибрать бразды правления к своим рукам. После загадочного исчезновения старого главы клана Оуян Фэн не жалел сил на укрепление своего влияния. Банда Денежного Листа и Павильон Десяти Тысяч Цветов были его личными тайными опорными пунктами, которые он годами возвращивал в Восточной столице.

Но несколько месяцев назад Оуян Ле внезапно потребовал задействовать все столичные связи ради одного дела. Оуян Фэн посчитал, что цена затеи непомерно высока, и мягко отказал брату.

Тогда в игру вступила Линь Сяньэр. Пользуясь своим влиянием в Павильоне Десяти Тысяч Цветов, она самолично перехватила все каналы связи Оуян Фэна, подчинила вожака Банды Денежного Листа с помощью ядовитых гу-насекомых и преподнесла готовое войско Оуян Ле.

Как говорится, рискнула всем — и сорвала куш.

Оуян Фэн, будучи лишь побочным сыном, не имел законных прав на престол. Когда он отказался предоставить брату столичные ресурсы, в клане поползли недовольные шепотки. Теперь же, когда Линь Сяньэр переметнулась к законному наследнику, он даже не мог призвать девку к ответу. Ему оставалось лишь молча проглотить обиду.